

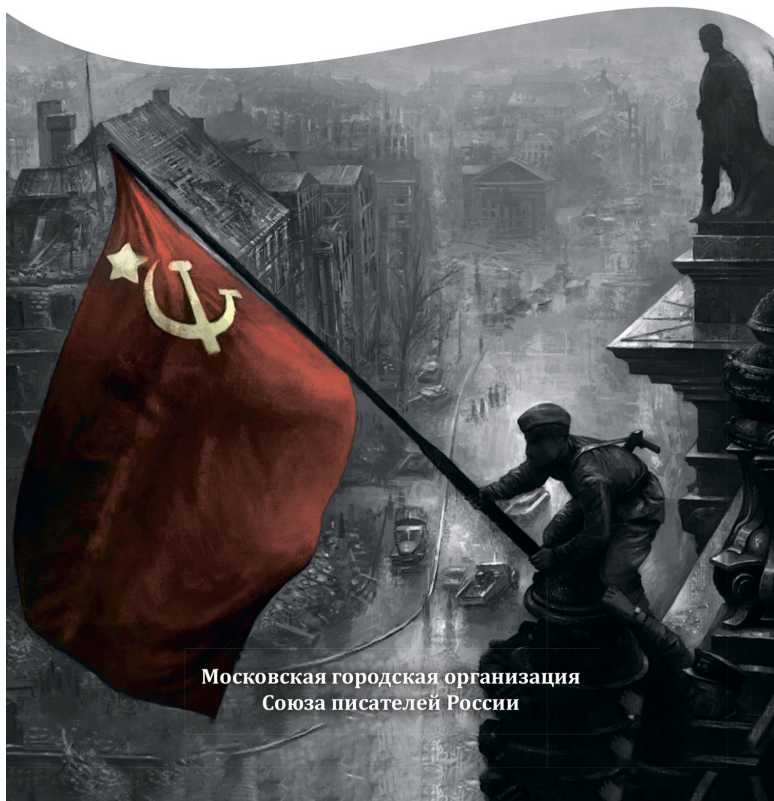
Альманах

2019

Российский КОЛОКОЛ

«Они сражались за Родину»

Московская городская организация
Союза писателей России

Альманах
Альманах «Российский
колокол». Спецвыпуск
«Они сражались за Родину»
Серия «Альманах
«Российский колокол»»
Серия «Литературный альманах
«Российский колокол» 2019»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42927108
Альманах «Российский колокол». Спецвыпуск «Они сражались за
Родину»: Москва; 2019
ISBN 978-5-00153-091-6

Аннотация

«Специальный выпуск альманаха «Российский колокол» «Они сражались за Родину» мы приурочили к 74-летию празднования Дня Великой Победы над фашизмом. В своём творчестве авторы сборника отразили и скорбь, и боль, и страдания народа, который оказался под фашистским игом. И, конечно же, гордость за прадедов, дедов, отцов, которые ценой своей жизни даровали

мирное небо над головой! При подготовке выпуска у меня с некоторыми авторами возникла дискуссия о том, почему же выпуск посвящен Героям Советского Союза М. А. Егорову, А. П. Бересту и М. В. Кантарии, ведь не они первыми водрузили Победное знамя над рейхстагом! Что первыми были Григорий Булатов и Рахимжан Кошкарбаев, которые накануне Победоносного дня – 30 апреля 45-го – первыми вошли в здание рейхстага и водрузили на его куполе алое знамя Победы. И лучше было бы отметить данных Героев войны, незаслуженно забытых!?.»

Содержание

Слово редактора	6
Никто не забыт, ничто не забыто	9
Алексеев Борис	11
Лейтенант Хохловский	13
Альхов Фаддей	23
Война меня не отпускает	23
Прости, отец[3]...	26
Страшный бой за порт, за Кольберг	29
В марте 1945 года	30
Чёрная сага	31
О войне	32
В себе носил он тайну	33
Победный марш...	35
Солдатам Великой Победы	36
Анайкин Александр	37
Никто, кроме нас	39
Надёжные парни	41
Трёхмерная война	43
Вертолётная легенда	45
Мгновенье	46
Оптимизм войны	48
Безусова Людмила	49
Последний бой	51

Бурцев Георгий	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

**Альманах «Российский
колокол». Спецвыпуск
«Они сражались за Родину»**

Слово редактора

Анастасия Лямина

Член Интернационального Союза писателей, журналист,
публицист.

Никто не забыт, ничто не забыто

Специальный выпуск альманаха «Российский колокол» «Они сражались за Родину» мы приурочили к 74-летию празднования Дня Великой Победы над фашизмом. В своём творчестве авторы сборника отразили и скорбь, и боль, и страдания народа, который оказался под фашистским игом. И, конечно же, гордость за прадедов, дедов, отцов, которые ценой своей жизни даровали мирное небо над головой! При подготовке выпуска у меня с некоторыми авторами возникла дискуссия о том, почему же выпуск посвящен Героям Советского Союза М. А. Егорову, А. П. Бересту и М. В. Кантарию, ведь не они первыми водрузили Победное знамя над рейхстагом! Что первыми были Григорий Булатов и Рахимжан Кошкарбаев, которые накануне Победоносного дня – 30 апреля 45-го – первыми вошли в здание рейхстага и водрузили на его куполе алое знамя Победы. И лучше было бы отметить данных Героев войны, незаслуженно забытых!?

И мы задаём сейчас встречный вопрос: а это настолько важно сейчас, кто первым вознёс Победное знамя на крышу фашистской цитадели? Было ли это важно тогда, в 1945-ом, кто сделает это первым? Война – это не соревнование: кто первый – тот герой, и не гонка за личный успех и награду. В ней не могло и не может быть личных зачетов – задача для всех одна – отстоять Отчизну! И добиться этого в Вели-

кую Отечественную войну получилось благодаря сплоченности всех народов Советского союза, отваге и мужеству фронтовиков, труду и силе духа работников тыла, вере и молитвам народов оккупированных городов.

Никто не забыт...

Алексеев Борис

Москвич, родился в 1952 году. Окончил ядерный институт МИФИ, работал физиком-ядерщиком в Институте атомной энергии им. И. В. Курчатова. Увлёкся рисованием, стал профессиональным иконописцем. С 1998 года является членом Московского Союза художников. Имеет два ордена

РПЦ. Пишет стихи и прозу. Выпустил ряд книг, в том числе три книги в содружестве с ИСП. В 2016 году стал лауреатом Премии Гиляровского (памятный знак третьей степени) и серебряным лауреатом Международной литературной премии «Золотое перо Руси». Член Союза писателей России. Живёт и работает в Москве.

Лейтенант Хохловский

Рассказ

Второй Белорусский проседал и матерно разворачивался, выравнивая беспокойную линию фронта.

– Хрена мы тут ядренимся! – возмущался замкомвзвода Мезенцев. – Жалеют нас, что ли? Неча! Я с прошлой недели труп. Мне их апрельские штучки вот уже где. Смерти геройской хочу!

Старшина присел, прикрыл голову шинелью и, понизив голос, продолжил:

– Мсье дженераль Курочкин¹, вы же командующий фронтом, боевой генерал! Вот они – немцы, как огурчики, один к одному. Ну что вы ждёте, чо дожидаетесь?..

Как на грех, из окопной व्यюшки выпорхнул лейтенант Хохловский. Эта «общевойсковая» линейная сволочь за последние недели дала повод невероятному количеству криво толков. Что замечательно, всплеск окопного «толкования» имел двоякую и весьма разнородную причину.

Наперво следует сказать, что Хохловский слыл стукачом. Обо всех «выявленных им лично» уставных отклонениях он оперативно и немилосердно докладывал начсоставу. Стучал

¹ Командующий 2-м Белорусским фронтом генерал-полковник Курочкин П. А. (февраль – апрель 1944)

открыто, с таким угрюмым озорством.

С другой стороны, его мерзкие «донесения» сопровождались непривычной на войне беззлобностью. Хохловский закладывал своих боевых «товарищей», как он любил повторять, просто по «линейной необходимости». «Не одолеть нам распорядок врага, если мы нарушаем собственный распорядок», – говаривал он и с этими словами приступал к сообщению об очередном питейном инциденте в батальоне.

Хохловский никогда не стучал на товарищей в закрытой от посторонних глаз командирской землянке. Все свои «донесения» он излагал прилюдно – на общих построениях или на привалах между боями.

Командир знал эту особенность в поведении лейтенанта и всякий раз, заведя направляющегося к нему Хохловского, старался «побеседовать с лейтенантом» накоротке, без замполита. Замполит батальона майор Салютин слишком спешил с донесениями о выявленных нарушениях общевойсковой дисциплины. Из-за этого режимного чистоплюйства личный состав батальона уже потерял шесть первоклассных вояк.

Об одном из них, старшине Коробкове, разведчике милостью божьей, командир вспоминал особо.

Это случилось почти год назад. Батальон окопался на подступах к деревне Малые Вражки. Перед утренним наступлением необходимо было выяснить общую огневую позицию неприятеля. Звено Коробкова готовилось идти в разведку.

Последний инструктаж.

– Товарищ майор, что передать вашей матери? – шёпотом спросил Коробков, когда остальные бойцы группы покинули землянку.

– Жень, как ты?..

– Я разведчик, Алексей Петрович, мне положено всё знать.

– Передавать ничего не надо. Я завтра сам... Если получится. Глянь только, горит ли свет. Крайний дом, у мельницы.

– Я знаю.

Наутро огневые точки, выявленные группой Коробкова, оперативно подавили приданные батальону два артиллерийских расчёта. За сорок минут деревня была очищена от немцев. Батальон намеревался продолжить наступление, но пришёл приказ закрепиться на рубеже Малые Вражки для перестроения и пополнения личного состава.

Майор рванул на себя незапертую дверь и вбежал в горницу. На железной кровати у окна лежала пожилая женщина. Не имея сил двигаться, она глядела на сына зрачками, ввалившимися в серые, обтянутые кожей глазницы. Две струйки холодных старческих слёз растекались по морщинистым углублениям кожи. Истощённая, прикованная к постели, она потеряла связь с миром. Время для неё остановилось и даже понемногу, повинаясь обострившейся памяти, стало откручиваться назад. Немцы её не беспокоили. Дом сильно по-

страдал при артобстреле перед немецким наступлением и был признан негодным для расквартирования.

Алексей припал к кровати матери. Огненные фронтовые слёзы брызнули из его глаз.

– Мама, мама... – только и мог выговорить майор, целуя руки матери и одновременно пытаясь напоить её горячим чаем из фляжки.

– Как ты нашёл меня? – почти беззвучно, одними губами, произнесла женщина.

– Свет, мама, в твоём окошке горела свеча!

– Ты видел свет?..

– Нет, мама, не я. Один человек. Его фамилия Коробков.

– Береги его...

Несколько сказанных слов утомили женщину, и она, откинув голову на подушку, забылась сном. «Как хорошо, что отменили наступление», – подумал Алексей, устраиваясь поудобней на полу у кровати матери.

Майор не выполнил материнский наказ. Замполит батальона, прознав про спиртовое самовольство Коробкова, проигнализировал в ставку. Вскоре за ним приехала группа особого отдела полка. Женю забрали. Как ни пытался Алексей вмешаться в дело разведчика, всё зря. Коробкова больше никто не видел, и никаких сведений по его персональному делу на запрос Алексея выдано не было.

Что ж, война есть война. Однако вернёмся к рассказу о лейтенанте Хохловском.

Удивительно, но в доносах этого «уставного апологета» абсолютно отсутствовал элемент «шкурного патриотизма». В борьбе за войсковую дисциплину он не искал полковых побрякушек, не просился в обоз. Более того, в каждой батальонной атаке выказывал себя первейшим смельчаком.

Представьте, как-то раз он умудрился добежать живым до окопа врага, бесстрашно прыгнуть на холёные немецкие штыки и завязаться в рукопашной. Что такое рукопашный бой в чужом окопе, рассказывать не надо.

Лейтенант не боялся получить фронтовой «подарок» в спину от своих же «товарищей». В минуты затишья не сторонился, запросто подсаживался в кружок и подпевал под гармошку привальные песни. Бойцы же, завидев его, обходили стороной.

Частенько Хохловский бесцеремонно вступал в разговор или по-мальчишески начинал о чём-то спорить. Его оппонент, как правило, прерывал его петушиную речь и, если рядом не значился никто из комсостава, спрашивал лейтенанта: «Ты что же, дятел иудейский, штрафбат окликаешь? Знай, гнида, апрельская земля сыра, ох пригубит ненароком».

Лейтенант слушал и... улыбался.

– Ой, не понимаю вас, милые дружочки!

После словесного трюфеля «милые дружочки» все находившиеся рядом дружно зверели. Каждый старался поскорее отойти прочь, пряча от замполита естественную реакцию во-

ина-смертника на сахарные слова стукача.

— Куда вы? — вздыхал вслед Хохловский. — Я ж о деле пе-
кусь. Нам без порядка армейского никак нельзя...

Пятнадцатого марта 1944 года началась Полесская опера-
ция. Фронт силами 70-й, 47-й армий атаковал немцев на Ко-
вельском направлении. 61-я армия (в которой воевал лей-
тенант Хохловский) попыталась занять южный берег реки
Припяти.

Однако случилась фронтовая неувязочка. Немцы ка-
ким-то образом разгадали планы командования фронта и
умело срезали пеночку с наших наступательных поряд-
ков. Наступление захлебнулось. Братушек полегло немере-
но. Лейтенанту же Хохловскому фронтовые неприятности —
как с гуся вода, весёлый, целёхонький, хоть на ёлку новогод-
нюю вешай.

С того дня пошла о нём молва. Мол, не иначе как нечистая
сила заговорила тело лейтенанта ради его поганого языка.
Мистика — штука летучая: скоро весь фронт знал, что в 60-
й армии воюет нечистая сила.

Бойцы на разные голоса смаковали несуразицу.

— Чтоб уничтожить нечистую силу наверняка, командова-
нию придётся положить всю 60-ю. А как иначе? Нечистая —
она вроде ветрянки: передаётся, но не сразу проявляется. В
60-й (тут неча и думать!) все друг от друга перезаразились.
В расход её надобно, чтоб фронт спасти!..

— Не-е, пусть нечистая сила поможет нам немца побить. А

после Победы мы с ней как-нибудь управимся. Попа кликнем. Поп не поможет, так мы её штыком! И закроем вопрос.

– Э-э, нет, – говорили третьи, – кровушкой великой полита будущая Победа, да сколько кровушки ещё война выдавит из русского солдата! Нельзя нашу Победу нечистой силе отдавать. Нешто мы служки её какие. Кровь русского солдата с нечистой силой не смешивается, это точно.

Из ставки фронта, от генерал-полковника Курочкина (да-да, того самого, о котором замком Мезенцев лопотал в начале нашего рассказа), приехал в батальон штабной майор разузнать, что за хмель ходит по войскам и не вредит ли эта, так сказать, нечистая сила боевому духу героического личного состава.

Тотчас послали за Хохловским бойца. Тот нашёл лейтенанта на самом краю позиции (Хохловский тайно подснежники собирал), передал приказ. Поспешили они по окопному лабиринту до командирской землянки.

Вдруг небо содрогнулось от рёва немецкой авиатехники.
– Ё-моё! – Хохловский остановился, зыркнул округ поволчьи и бросился к торчавшему над окопом станковому пулемёту Дегтярёва.

– Стой! – заорал порученец, прячась в толпе бойцов под ближайшее укрытие. – У меня приказ доставить тебя живым!

– Или мёртвым... – огрызнулся лейтенант и замер, изготовившись к стрельбе.

Тем временем немецкие самолёты выстроились в атакующую цепь и, предвкушая сладость «диалога» с неприкрытой пехотой, помчались, как рой пчёл, на окопы батальона.

Хохловский поймал на мушку первый по ходу мессер, дождался момента, когда самолёт завис над окопом, и дал прицельную очередь. Мессер вздрогнул, загорелся и, заваливаясь набок, стал падать.

Следующие два пролетели над головой Хохловского, поливая свинцом каждый сантиметр передовой окопной линии. Одна «пчёлка» надкусила Хохловскому правое ударное плечо. Скрипя зубами от боли, он переложил приклад под левую руку, поймал на мушку четвёртую машину и снова дал прицельную очередь.

Невероятно, но второй выстрел тоже достиг цели. Мессер накренился и резко пошёл в сторону. Через несколько секунд он уже горел, уткнувшись в землю за спиной Хохловского.

Сделав короткий круг над позицией батальона, два удачливых мессера развернулись вслед пятой, последней в звене машине и приготовились к повторной атаке.

Пятый мессер (пяточка) пролетел над русским окопом, обрызгав всё вокруг смертоносным металлическим дождём. А следовавшие за ним два развернувшихся мессера, как две рассерженные орлицы, подвисая в слоистой прохладе воздуха и пританцовывая крыльями, пошли конкретно на Хохловского.

К этому времени – хотя неторопливым словом «время» невозможно описать мгновенный калейдоскоп происходивших событий, и всё же скажем: к этому времени – ещё две «пчёлки» присели на «хохловский медок». Одна (экая шалунья!) прошила сдвинутую набок фуражку и вместе с кокардой оторвала герою правое ухо. Вторая (отменная стерва!) вошла лейтенанту в грудь и, чудом не задев позвоночник, вырвала из спины клоч мышечной ткани.

Хохловский, задыхаясь от крови, поднимающейся горлом, вжался в пулемёт и превратился в один огромный глаз. Этот единственный неповреждённый орган тела «вздыбился» от боли и упёрся в фюзеляж подплывающей, как большая рыба, машины с жёлтыми симпатичными крестообразными чешуйками.

«Какая ты красивая!..» – прошептал Хохловский, теряя сознание. Последние три слова были сказаны им, видимо, очень громко. Рыба встрепелась и, раскрыв плавники, метнулась в сторону облака надвигающегося чёрного тумана. Её дивный серебристый хвост ещё какое-то время маячил в сгущающейся черноте, но вскоре и он стал совершенно невидим...

Бойцы покидали укрытия и молча грудились вокруг мёртвого лейтенанта. Командир батальона снял фуражку и, не говоря ни слова, присел на корточки у ног Хохловского.

Кстати сказать, как только загорелся третий самолёт, месеры как по команде развернулись и убрались восвояси.

Авиационный гул смолк за дальним лесом, и над всем фронтом нависла короткая целебная тишина.

– Три мессера из грёбаной берданки! Точно, нечистая ве-
ла его... – нарушил тишину замкомвзвода Мезенцев.

– Не-е, товарищ старшина, такое нечистой силе не под си-
лу, – возразил кто-то из бойцов.

– Похоронить как героя, – сказал командир, поднимаясь
и надевая фуражку.

...Слух о том, что нечистая сила оставила Второй Бело-
русский, моментально разбежался по фронтам и соединени-
ям Красной армии.

«Ну, братушки! – Георгий Константинович по-мальчише-
ски озорно оглянулся на дверь и подошёл к висящей на сте-
не карте боевых действий Первого Украинского фронта. По-
ка в комнате оперативных совещаний никого не было, мар-
шал распахнул в стороны руки и обнял свои передовые по-
зиции. – Эка мы теперь повоюем!»²

² Летом 1944 г. Г. К. Жуков координировал действия 1-го и 2-го Белорусских фронтов в стратегической операции «Багратион».

Альхов Фаддей

Война меня не отпускает

28 февраля 2005 года в Марийском полиграфическо-издательском комбинате была подписана в печать первая моя книга «Пути-дороги ратные» (две семейные хроники об отце, Фаддее Станиславовиче, и тесте, Павле Владимировиче Костареве, участниках Великой Отечественной войны), приуроченная к 60-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне... Шли годы... 65-летие Победы было ознаменовано выпуском альманаха «В багровом пламени войны». А к 9 Мая 2015 года – к 70-летию Великой Победы – были изданы книга «В багряном зареве заката» и сборник «Память – времени сильнее».

В мае 2015 года неоценимый подарок преподнёс мне внук, Дмитрий, – вручил копии наградных листов и указов о награждении моего отца, Фаддея Станиславовича, моего тестя, Павла Владимировича Костарева, и моего дяди, Адама Казимировича Жулинского. Так наша семья впервые узнала, что Фаддей Станиславович ещё в 1945 году был представлен и награждён орденом Отечественной войны II степени. Но орден ему так и не был вручён...

Полученные материалы послужили толчком, могучим стимулом к написанию новой книги – «Они любили Родину свою».

А первые пробы пера – поэтического творчества – состоялись в конце семидесятых годов XX века. Но лишь с 22 марта 2002 года началось продвижение и становление творческого голоса. Литературное творчество стало любимым за-

нятием, главным делом, смыслом и содержанием бытия. Написано больше тридцати книг... В йошкар-олинских издательствах «Сельские вести» и «Стринг» увидели свет многие книги, среди которых: «Вереница», «Они любили Родину свою», «Радость, опечаленная грустью», «Звёзды падают ввысь», «А гражданином быть обязан», «Мир живёт, как на вулкане». В московском издательстве «У Никитских ворот» получили путёвку в жизнь «Мелодии времён». А в альманахе «Российский колокол» – в спецвыпуске «Аты-баты, шли солдаты...» – в 2017 году опубликована подборка стихов, посвящённых отцу – участнику Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. В московском издательстве Интернационального Союза писателей (март 2018 года) вышла книга стихотворений «Вековые жизни кольца» ...Творческая жизнь – продолжается...

Прости, отец³...

[illegible]

Ещё чуть-чуть,

От встречи им не увильнуть.

³ Сын участника Великой Отечественной войны Фаддея Станиславовича Хобера, заслуженный ветеран труда Марийского машиностроительного завода, заслуженный энергетик Республики Марий Эл, член Интернационального Союза писателей Альфред Хобер.

В атаке до смерти дерутся...
Молчат штыки.
Пули свистят.
Встают противники навстречу.
Наган,
Винтовка,
Автомат —
Жестокую сплетают сечу...
В ней кто кого опередит?
Судьба к кому как повернётся?
Душа одних взлетит в зенит,
Другие будут жить под солнцем...
Всю жизнь отец о том молчал,
Хранил в душе атаки тайну.
Через годы я о ней узнал,
Лист наградной прочтя случайно...

2. О фронтовой своей судьбине,
Где страх и Долг в душе его
Кипели пламенем былинным,
Не говорил он ничего...
О том, как страшен рукопашный
Бой, истребляющий живых,
Молчал отец, всех помнил павших
И поминал друзей своих...
О жизни на переднем крае,
В окопах, в городском дыму
Делился скупю, вспоминая,
Как доставалось и ему...

Страшный бой за порт, за Кольберг

Командиру стрелковой роты Ф. С. Хоберу

В большом секрете, между прочим,
Лежал отца лист наградной,
Оформленный весенней ночью,
Когда был кончен страшный бой
За порт, за Кольберг – в сорок пятом! –
И можно чуть передохнуть
В живых оставшимся солдатам,
И даже чуточку вздремнуть...
И лишь теперь передо мною
Тот пожелтевший наградной.
Доносит время боевое,
Накал страстей передовой.
Не знал отец о той награде,
Тот орден он не получил...
«Он делал дело так, как надо», –
Лист наградной нам сообщил.
О том читаю я сегодня
Чрез вереницу долгих лет...
Взят штурмом Кольберг –
Порт свободный! –
Отца Фаддея ратный след.

В марте 1945 года

*Командиру стрелковой роты Фаддею
Станиславовичу Хоберу*

«За мной! Соколики! За мной!» –
Ведёт комроты их в атаку
За порт, за Кольберг – в жуткий бой,
Чтоб победить, не поддаваясь страху...
«Вперёд! Соколики! Вперёд!
Врага должны мы в море сбросить!» –
Комроты за собой ведёт...
За промахи их пуля спросит.
Солдаты россыпью бегут
За командиром первой роты...
Взят Кольберг-порт, врагам – karutt⁴,
И пышут жаром пулемёты...

⁴ *Karutt (нем.) – разбить.*

Чёрная сага

Бывало, ходил он в атаку,
Сшибались на передовой...
Ни звука, ни слова, ни знака
О страшной работе такой,
Когда сатанеют солдаты,
Вкруг огненный плещется ад...
Винтовки, штыки и гранаты
В бою никого не щадят.
Гримасами взрезаны лица,
И крики и стоны велят
До хрипа последнего биться
За Ржев и за Сталина град!..
Ужасную чёрную сагу
«Убей! Иль погибнешь! Скорей!»
Не мог вспоминать он атаку –
Кошмарную пляску смертей...

О войне

Отца дорогу фронтовую
И боевых его друзей
Не позабуду ни в какую
До седины последних дней...
Как солнце над землёю вечно,
Свята так память о войне,
И вера крепла бесконечно
И закалялась в том огне...

Так был развенчан вермахт грешный,
И рейх порочный был сражён...

Будь в нашей памяти, факт вечный!
Ты Днём Победы наречён!..

В себе носил он тайну

*Отцу Ф. С. Хоберу, участнику Великой
Отечественной войны*

Не ведаю, не знаю —
Отец не говорил.
В себе носил он тайну
И до конца хранил...
Он на войне Великой
В пехоте воевал
И батальон в атаку
Бесстрашно поднимал.
Был в рукопашной схватке,
И автомат строчил,
Солдат бегущий падал.
А кто кого убил?..
Всё ж небо пощадило:
Домой отец пришёл,
Но о войне жестокой
Он разговор не вёл.
В себе носил он тайну
И до конца хранил...
Была война большая,
Отец на фронте был.
И ордена, медали
Страна ему дала

За наше дело правое!

За ратные дела!

Победный марш...

Зловещий гул вползал в жилище,
Рвал летний сон, как простыню,
Внезапно тот фашистский хищник
Напал на Родину мою...
Дни отступления, как плети,
Ложились цепью якорной.
Лишь под Москвой буранный ветер
Победный марш сыграл впервой...
И был затем курган над Волгой,
Тугая Курская дуга –
Зарубки непростой дороги –
К Берлину шли издалека...
И над рейхстагом взвилось Знамя
И оглушительный салют,
Когда вермахт пал пред полками
Советскими – их так зовут!

Солдатам Великой Победы

За суету простите, ради Бога.

Мы все спешим...

О, знать бы лишь – куда?..

Давно остались позади дороги,

Где полыхала страшная беда...

Костюмы ваши – самые простые,

О подвигах – награды говорят.

Вы рядом – нестибаемо живые! –

Фронтовиков редяющий отряд...

За суету простите, Бога ради.

Нам мало вечности,

Чтоб подвиг оценить.

Раз в год отславословим на параде,

И продолжаем по-иному жить...

Анайкин Александр

Родился в 1948 году в Самаре, где безвыездно прожил всю жизнь, не считая срочной службы. Служил в Московском военном округе, в строительных частях, в качестве инструктора передовых методов труда. Говоря простым языком, работал преподавателем штукатурного дела, потому что

имел строительное образование. Читал лекции по субботам, в остальные дни читал и писал статьи в ротную стенгазету и боевые листки. После службы окончил Куйбышевский плановый институт. Работал и на заводах Самары, и на стройках.

Печататься начал после развала СССР, в местных изданиях, и даже выпустил сборник стихов под названием «Глаза кошачьи». В данный момент на пенсии.

Публикуется в социальных сетях. Был принят в Союз писателей. Творческим стимулом является семья. Очень много стихов посвящено жене. Написано большое количество детских рассказов, весьма весёлых, которые хорошо воспринимаются детьми.

Никто, кроме нас

Мы сходим с небес, словно ангелы смерти,
Но мы не злодеи, вы в это поверьте.
Мы просто десантники, неба пехота,
И нам на земле, несомненно, вольготней.

Но что же поделать, такая уж служба,
Идём мы туда, где другие не сдюжат,
Где дерзость нужна с хладнокровием вкупе,
Где небо и ты, и, конечно же, купол,
С которым ты стропами связан надёжно,
Что держат в просторе тебя, как и должно.

И пусть ты паришь, словно ангел иль птица,
Задача твоя – на земле закрепиться
И сделать работу, которой гордиться
Ты сможешь пред сыном, а также собой,
Ведь память навечно запомнит тот бой.

Неважно, какой будет бой тот по счёту,
В котором ты дрался не ради почёта,
Не ради награды и славы не ради,
Не ради того, чтоб воспели в балладе.

Причина одна – ты десанта солдат,
А значит, воюешь, не глядя назад.

Вперёд и вперёд, без нытья и упрёка.

Такая судьба на военной дороге.

Никто ведь не справится лучше, чем ты,

Который идёт воевать с высоты.

Надёжные парни

Десантник, конечно, конечно, орёл,
Но всё-таки больше ишак.
Не думай, что это армейский прикол,
То прозы обыденный факт.

Для нас небеса лишь тропиночка в ад,
Хоть я не про смерть вам пою,
Ведь есть ещё буден тяжёлый расклад,
Далёких от жизни в раю.

Ни чёрт ни архангел не выдержат их,
На это способны лишь мы,
Ведь нас обучают остаться в живых,
Не клянча нам жизни взаймы.

Мы службу десантную тянем, как стропы,
Воздушные мы бурлаки.
От наших парней не услышите ропот,
В десант не идут слабаки.

О трудностях жизни не ноем, не плачем,
Не ждём от начальства поблажек.
И вот потому-то так много мы значим,
Что жизни не ищем мы глаже.

Мы просто простецки усердно ишачим,
Надёжность работой крепим.
И вот потому-то так много мы значим,
Что, даже ишача, совсем не брюзжим.

Не ноем, не плачем о трудностях жизни,
Поблажек не ждём для себя,
Надёжные парни, мы гордость Отчизны,
Что делают дело любя.

Трёхмерная война

Война в горах ведётся в сложном Трёхмерном пространстве.

Михаил Бобров Записки военного альпиниста.

Война трёхмерная в горах.
И в этом сложность.
Трёхмерен и солдатский страх.
Отбросим ложность.

Здесь враг внизу и над тобой,
Как у пилотов.
Ведёт на вертикали бой
И взвод, и рота.

Здесь нет развёрнутых атак,
Как на равнине.
В горах не сдюжит даже танк
В стальной гордыне.

Куда важнее ледоруб
И обувь-кошки,
И страховал чтоб верный друг,
Да без оплошки.

Такая вот она – война

Не на равнине.
От снега ярка, не бледна,
Как на картине.

И кровь здесь ярче в сотни раз.
А как иначе?
Но цвет не радостен для глаз.
Вот незадача.

Вертолётная легенда

Разряженный воздух горяч, как плита,
И скалы под нами грядой, как беда,
Всё стелются, стелются пастью зубастой
И серой ловушкой мелькают опасной.

Но что нам ущелье и камни, да пыль,
Мы сами легенда, слагай о нас быль,
Про наши вертушки, полёты в горах,
Про мужество наше и даже про страх.

Здесь нету бесстрашных, народ как народ,
Что в небе горячем стрижами снуёт.
Доставим патроны, доставим поесть
И, может быть, с почтой хорошую весть.

А рейсом обратным захватим мы тех,
Кого обошёл стороною успех,
Кто грузом «двухсотым» летит недвижим,
А мы над горами жужжим да жужжим.

Ведь это работа такая у нас –
Сновать в поднебесье, что нас не предаст.

Мгновенье

В надежде, что лодка живуча,
Не тонет, она как русалка,
Мы, страхами душу не муча,
В поход отправляемся дальний.

Считаем мы нормой и бытом
Всю жизнь аномальную моря.
Другому такое – за пытку,
А нам это горе не в горе.

Металл переборок надёжных
Спасает от вод многотонных.
Приборы мои безмятежно
Твой взгляд заменяют здесь томный.

Мы в море не видим и моря,
Полгода не видим и землю,
Но долю такую покорно
Вполне добровольно приемлю.

Хоть вырос на книгах я Грина,
Но чёрт с ней, с романтикой книжной,
Я ласковость бриза отрину.
Но только не голос твой нежный,

Что скажет мне, коротко всхлипнув:

«Ох как я, ох как я скучала».

И нежность, волною нахлынув,
Любовь нам прокрутит сначала.

И тяжесть похода в забвенье,
Ведь нету сильнее блаженства
Такого большого мгновенья,
Что дать может только лишь женщина.

Оптимизм войны

Ландшафт здесь красив многогранностью цвета.
Вот только б дожить нам суметь до рассвета,
А там до заката. Задача проста.
И коль повезёт – проживёшь лет до ста.

Безусова Людмила

Врач-трансфузиолог высшей категории станции переливания крови в городе Армавире. Окончила Кубанский медицинский институт имени Красной Армии в 1978 году, в 1981 году окончила клиническую ординатуру по хирургии. Девять лет работала врачом-хирургом в Лабинской ЦРБ. С

1990 года по настоящее время работает заведующей отделением заготовки и переработки донорской крови.

Пишет стихи с девяти лет. С 2013 года – член Союза журналистов России, с 2014 года – член Российского Союза писателей, с 2016 года – член ИСП. В 2015 году присвоено звание лауреата национальной премии «Поэт года». Является автором 21 сборника стихов. Стихи пишет на любые темы: о жизни, любви, взаимоотношениях между людьми, детские, о природе и животных, философские, на религиозные темы, о войне и т. д.

Обладатель медали Российской литературной премии «За крупный вклад в отечественную словесность».

Последний бой

Издалека, как в пантомиме,
Он еле слышал крик: «Живой?».
Но он не мог сестричке Зине
Кивнуть гудевшей головой...
Окоп, разорванный снарядом!
Сдавление и боль в ушах,
И никого... лишь Зина рядом.
Как в детстве, держит на руках...
Открыл глаза, увидел небо
И понял: жив, но глух и нем...
Он на руках девчонки, смело
Пытающейся сдернуть шлем...
Он что-то говорил упрямо...
И что-то теплое текло
За шиворот. Шептал он: «Мама»,
Но сам не слышал ничего.
А в небе голубом, как птицы,
Спокойно плыли облака...
Тащила в медсанбат сестрица
Израненного замполка...
Мелькали белые ромашки,
Цеплялся он за них рукой.
«Еще чуть-чуть! Терпи, Коляшка!» –
Кричала Зина! «Я глухой!» –
Шептал он ей. «Нет, ты контужен.

Но главное – ты будешь жить!
И мы с тобой еще послужим!»
А он шептал ей: «Зина, пить...»
«Так ведь нельзя вам ни глоточка!
Еще немножко нам ползти».
С трудом сорвал он два цветочка,
Чтоб Зиночке преподнести.
Очнулся. Медсанбат. В кровати.
На стульчике – его часы,
А рядом с ним стоит в стакане
Трофей – Победные цветы!

Бурцев Георгий

Родился 25 ноября 1950 года в городе Холмске Сахалинской области. Служил. Учился. Работал мастером на стройке, главным инженером в театре. Редактировал газеты. На-

писал много песен к театральным постановкам. Преподавал в школе. Участвовал во многих литературных конкурсах. Занимал призовые места. Состоит в Союзе журналистов и писателей. Сейчас на пенсии. Проживает в Москве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.